

УДК 82-94

Л. М. Бондарева

ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются некоторые особенности структурирования немецкоязычных автобиографических текстов. Исследуется характер речевой деятельности повествователя, выступающего в функции профессионального писателя.

The article focuses on some peculiarities of German autobiographical texts structuring. The character of speech activity of the narrator as a professional writer is analysed.

29

Ключевые слова: ретроспективный дискурс, реконструкция прошлого, автобиографическая память, функция рефлектора, функция литературного критика.

Key words: retrospective discourse, restructuring the past, autobiographical memory, function of reflector, function of literature critic.

Неотъемлемая составляющая парадигмы современного лингвистического мышления — интерес к исследованию способов языковой организации и структурирования различных типов дискурса. При этом под типом дискурса обычно понимаются большие дискурсивные образования, унаследованные из традиционной риторики: публицистический, литературный, научный, религиозный и др. (ср.: [4, с. 143]).

Следует отметить, что в последнее время сфера референциальной соотнесенности данной номинации существенно расширилась. В результате в круг интерпретируемых проблем оказались включенными не только различные коммуникативные области, связанные с профессиональной и социальной деятельностью людей (политический, юридический, банковский, рекламный, педагогический, учебный и другие дискурсы), но и конкретные жанры и литературные направления (например, сказочный, песенный, модернистский дискурс и т. д.).

Хотелось бы подчеркнуть, что при трактовке самого термина «дискурс» в целом мы присоединяемся к авторитетному мнению Е. С. Кубряковой и О. А. Александровой, подразумевающих под ним прежде всего когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, где конечным результатом является текст, для которого характерна определенная законченная (и зафиксированная) форма [2, с. 16].

На наш взгляд, в данном контексте особого внимания заслуживает *ретроспективный дискурс* (РД), который предполагает интенционально обусловленную ментально-когнитивную ретроспективную деятельность речевого субъекта, направленную на реконструкцию прошлого (личного или чужого) опыта и материализующуюся в конкретном множестве нефикциональных и фикциональных текстов.

Как показали исследования, в условиях литературной коммуникации основными формами манифестации РД становятся его субъективно и объективно обусловленные подтипы. Отправной точкой для дифференциации обоих указанных подтипов РД служит характер интеграции процесса реконструкции прошлого в сферу сознания субъекта воспоминания.

В том случае если воссоздаваемое прошлое относится к области лично пережитого речевым субъектом, целесообразно говорить о *субъективно обусловленном* подтипе РД (СОПРД), ярким примером которого являются тексты автобиографий, мемуаров, мемуарных литературных портретов, то есть нефикциональные тексты, и мимикрирующие тексты фикционального характера (псевдоавтобиографии, псевдомемуары, художественные автобиографии, фальсифицированные автобиографии и т.д.). Если реконструируемые события соотношены с фактами общечеловеческой исторической действительности, не затрагивающими личностный опыт повествователя, мы имеем дело с *объективно обусловленным* подтипом РД (ООПРД), результаты которого фиксируются в историографических, биографических, агиографических текстах (сфера нефикциональной литературы), а также в исторических романах, мифах, легендах, сказаниях, репрезентирующих область фикционального.

Безусловно, ведущий облигаторный признак текстов РД — *временная дистанционированность* повествователя как познающего субъекта от изображаемого прошлого, то есть объекта его познания. Протяженность такой темпоральной дистанции представляется величиной теоретически неограниченной и носящей переменный характер: она может колебаться от нескольких минут в формате временных параметров индивидуально-личностного опыта до сотен и тысяч лет, если в качестве объекта познания выступают отдельные этапы истории человеческой цивилизации. В связи с данным обстоятельством конечным продуктом ретроспективной деятельности субъекта, реализующимся в текстах РД, становится некий концепт Прошлого, то есть ментальный реконструкт конкретного фрагмента личного или коллективного опыта. Иначе говоря, речь идет о фактах и событиях реальной действительности, уже не существующих в своем «изначальном» виде в силу объективных законов поступательного развития природы и общества.

Важно отметить, что рассмотрение концепта Прошлого в качестве непосредственного предмета лингвокогнитивного анализа не исключает, а напротив, предполагает существование его органической взаимосвязи со сферами Настоящего и Будущего в жизни как отдельного человека, так и всего общества в целом.

О диалектическом взаимодействии, в частности, Прошлого и Будущего упоминает О.Ю. Медведева, подчеркивающая, что трансформация Будущего во многом обусловлена Прошлым. Психологически Будущее трактуется как «желаемое» Настоящее и «несбывшееся» Прошлое: так же как и Прошлое, оно, хотя и нереализованное, представлено в сознании человека в виде «сценариев», которые запланированы к осуществлению [3, с. 4, 7–8].

Впрочем, существует точка зрения, согласно которой понятие Прошлое переходит в сферу чистой абстракции и даже лишается статуса автономности. Так, И.К. Архипов апеллирует к физической концепции мира Декарта – Канта – Мамардашвили, в которой выражена идея о том, что человек, равно как и все предметы объективного мира, существует «в вечном, постоянно длящемся настоящем». Каждый миг мир «вздрагивает», переходя в новое, неповторимое состояние, поэтому в нем нет готового, где-то «законсервированного» прошлого, в том числе знания, – каждый миг мир воссоздается заново в каждой точке, и сейчас «нет ничего, что бы случилось еще» [1, с. 53].

На наш взгляд, при трактовке данной проблемы нельзя забывать о том, что разделение времени на Прошлое, Настоящее и Будущее действительно в некотором отношении представляется условным, по сути конвенциональным, поскольку оно всегда соотносится с *Ich – Origo* познающего субъекта. Как реально существующее мы воспринимаем «сиоминутное», непосредственное Настоящее, Будущее лишь эвентуальная данность, потенция этого Настоящего, а Прошлое – реализованное, уже пережитое Настоящее, в которое постоянно и непрерывно переходит актуальное Настоящее, фиксирующееся в человеческом сознании / подсознании в процессе функционирования механизмов памяти.

В конечном счете концепт Прошлое представляется всегда исключительно интерпретацией свершившегося и завершенного Настоящего, что предполагает возможность его вариативности и модификаций в зависимости от конкретного носителя сознания.

Особенно отчетливо обусловленность концепта Прошлое концептом Настоящее проявляется в текстах СОПРД, поскольку в них временная дистанция речевого субъекта от объекта его ретроспективного познания онтологически ограничена параметрами, укладывающимися в рамки отдельной человеческой жизни, и может простирается, таким образом, от нескольких лет до нескольких десятков лет. При этом рассказчик, описывая собственную жизнь или судьбу современного ему поколения, открыто заявляет о своей регулятивной и организующей деятельности в пределах текстового континуума, постоянно вторгаясь в мир реконструируемого Прошлого из актуального Настоящего, совпадающего с процессом непосредственного текстопорождения.

Вполне понятно, что подобная деятельность речевого субъекта осуществляется исключительно на основе функционирования механизмов *автобиографической, или личностной, памяти*, в рамках которой воспоминание и забывание обладают ярко выраженным селективным и произвольным характером. Ведущая роль в экспликации эпической дистанции, отделяющей Я повествующее от Я изображенного, принадлежит, безусловно, грамматической оппозиции глагольных форм настоящего и прошедшего времени, референциально соотносящихся с двумя семантическими планами текстового локально-темпорального континуума. Вполне естественно данная оппозиция актуализируется в любом фрагменте автобиографии, где рассказчик с определенной целью «вмещивается» в мир изображаемого прошлого с позиций своего настоящего, соответствующего моменту написания воспоминаний.

Хотя гетерогенность темпорального континуума и «пространственное» доминирование претеритального плана являются субстанциональными параметрами любого текста воспоминаний, не следует забывать о том, что сила, организующая и регулирующая формирование ретроспективного дискурса, — повествующее Я, ориентированное на презенсный план повествования. В этом смысле реконструируемое прошлое оказывается своего рода ментальным «слепком» свершившихся реальных событий, форма которого зависит от индивидуальных особенностей субъекта когнитивной деятельности и в первую очередь от специфики функционирования механизмов его личностной памяти.

Если же автобиограф является профессиональным писателем, то специфической особенностью воспоминаний такого рода становится декларация автором собственного социального статуса, носящая константный характер и эксплицирующаяся как в презенсном, так и в претеритальном плане повествования. Будучи субъектом литературного творчества, писатель всегда пытается, с одной стороны, осмыслить значение такого рода деятельности в личной жизни, а с другой — оценить чужие произведения и поразмышлять в рамках автобиографии о роли литературы в обществе.

В тексте воспоминаний автор-писатель реализует в числе прочих функций (например, рассказчик как реконструктор прошлого, субъект оценки, организатор текстового пространства, комментатор и пр.) *функции рефлексора и литературного критика.*

Ярким примером может служить классическая автобиография великого немецкого писателя И. В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit», которая предваряется достаточно пространственным предисловием, содержащим указание на причины, побудившие автора обратиться к описанию собственного жизненного пути. Эти причины, в трактовке писателя, выглядят абсолютно объективными: сделать автобиографические наброски и изложить литературно-теоретические принципы творчества в качестве сопровождения собственных произведений в хронологическом порядке попросил его в одном письме друг, занимающийся изданием многотомного литературного наследия И. В. Гёте:

Das erste also, warum wir Sie ersuchen, ist, daß Sie uns Ihre, bei der neuen Ausgabe, nach gewissen innern Beziehungen geordneten Dichtwerke in einer chronologischen Folge aufführen und sowohl die Lebens- und Gemütszustände, die den Stoff dazu hergegeben, als auch die Beispiele, welche auf Sie gewirkt, nicht weniger die theoretischen Grundsätze, denen Sie gefolgt, in einem gewissen Zusammenhange vertrauen möchten [5, S. 8].

Таким образом, цитация письма объясняет причину принятия писателем решения о необходимости выполнить просьбу друзей, о чем он сразу же уведомляет читателя:

Dieses so freundlich geäußerte Verlangen erweckte bei mir unmittelbar die Lust es zu befolgen [5, S. 8].

Автор не упускает возможность дать краткое поучение читателю, своего рода дидактическое наставление по поводу того, в чем, собст-

венно говоря, заключается цель любой автобиографии и какова специфика воспоминаний профессиональных писателей:

Denn dieses scheint die Hauptaufgabe der Biographie zu sein, den Menschen in seinen Zeitverhältnissen darzustellen, und zu zeigen, inwiefern ihm das Ganze widerstrebt, inwiefern es ihn begünstigt, wie er sich eine Welt- und Menschenansicht daraus gebildet, und wie er sie, wenn er Künstler, Dichter, Schriftsteller ist, wieder nach außen abspiegelt [5, S. 9].

Всё дальнейшее повествование о пережитом И. В. Гёте постоянно перемежает многочисленными рефлексиями относительно особенностей своего творческого становления и поэтического таланта. Детство писателя прошло под знаком чтения хорошей литературы, сформировавшей художественный вкус будущего гения немецкого народа. В юности он начал чисто интуитивно тянуться к поэтическому творчеству, что приносило ему «величайшее удовольствие». Однако главным было чувство незыблемой уверенности Гёте в своей уникальности и избранности, о чем свидетельствуют следующие фрагменты его рассуждений, представленных в презенсном (1) и претеритальном (2) планах текста воспоминаний:

1. Was mich betrifft, so hatte ich auch wohl im Sinne, etwas Außerordentliches hervorzubringen... so leugne ich nicht, daß wenn ich an ein wünschenswertes Glück dachte, dieses mir am reizendsten in der Gestalt des Lorbeerkrankes erschien, der den Dichter zu zieren geflochten ist [5, S. 174];

2. Zwar machte mir jederzeit die poetische Nachbildung dessen was ich an mir selbst, an anderen und an der Natur gewahr geworden, das größte Vergnügen. Ich tat es mit immer wachsender Leichtigkeit, weil es aus Instinkt geschah und keine Kritik mich irre gemacht hatte... Ward mir dieses oder jenes daran getadelt, so blieb es doch im stillen meine Überzeugung, daß es nach und nach immer besser werden müßte, und daß ich wohl einmal neben Hagedorn, Gellert und anderen solchen Männern mit Ehre dürfte genannt werden [5, S. 258].

На страницах автобиографии И. В. Гёте размышляет не только о себе; от авторефлексий он переходит к рефлексиям относительно литературы как вида искусства в целом, писателя как творческой личности, особенностей национальной литературы и т. д. Достаточно интересен в этом плане фрагмент из седьмой книги, в котором писатель сетует на тяжелую судьбу не только современной ему немецкой литературы, но и самого немецкого языка, переживающего экспансию «нужных» и «ненужных» заимствований:

Die literarische Epoche, in der ich geboren bin, entwickelte sich aus der vorhergehenden durch Widerspruch. Deutschland, so lange von auswärtigen Völkern überschwemmt, von anderen Nationen durchdrungen, in gelehrten und diplomatischen Verhandlungen an fremde Sprachen gewiesen, konnte seine eigne unmöglich ausbilden. Es drangen sich ihr, zu so manchen neuen Begriffen, auch unzählige fremde Worte nötiger und unnötiger Weise mit auf, und auch für schon bekannte Gegenstände ward man veranlaßt, sich ausländischer Ausdrücke und Wendungen zu bedienen [5, S. 277].

Выступая в роли литературного критика, И. В. Гёте с позиции профессионала в области литературного творчества подвергает тщатель-

ному анализу и оценке на страницах автобиографии как собственные произведения, так и книги других писателей. Такая деятельность автора может обладать интровертивным и экстравертивным характером.

Интровертивная направленность проявляется в тех фрагментах текста, в которых автор высказывается по поводу собственных творений. Реконструируя отдельные периоды своего становления как писателя, он вспоминает детские и юношеские годы, приводит во второй книге ничем не связанную с ее содержанием сказку «Der neue Paris», сочиненную им якобы в достаточно раннем возрасте и вызвавшую „восторженный отклик» среди его сверстников:

34

Dieses Märchen, von dessen Wahrheit meine Gespielen sich leidenschaftlich zu überzeugen trachteten, erhielt großen Beifall [5, S. 69].

Высокую оценку И. В. Гёте дает и своим литературным шедеврам, в частности роману «Die Leiden des jungen Werther», ошеломляющий успех которого, по его мнению, был обусловлен полным соответствием идейного содержания этой книги духу и нравам времени:

Die Wirkung dieses Büchleins war groß, ja ungeheuer, und vorzüglich deshalb, weil es genau in die rechte Zeit traf [5, S. 632].

В свою очередь, в ходе экстравертивной критической деятельности автобиограф апеллирует к произведениям многих известных немецких писателей, оказавших существенное влияние на формирование его юношеского Я, среди которых особое место занимали К. М. Виланд и Ф. Клопшток. Так, во фрагменте, посвященном творчеству К. М. Виланда, И. В. Гёте употребляет ряд прилагательных с семантикой положительной эмоциональной оценки, стоящих в превосходной степени:

Ganz ohne Frage besaß W i e l a n d unter allen das schönste Naturell. Er hatte sich früh in jenen ideellen Regionen ausgebildet, wo die Jugend so gern verweilt; da ihm aber diese durch das was man Erfahrung nennt ... verleidet wurden, so warf er sich auf die Seite des Wirklichen, und gefiel sich und andern im Widerstreit beider Welten, wo sich ... sein Talent am allerschönsten zeigte. Wie manche seiner glänzenden Produktionen fallen in die Zeit meiner akademischen Jahre. „Musarion» wirkte am meisten auf mich... Alles was in Wielands Genie plastisch ist, zeigte sich hier aufs vollkommenste... [5, S. 290].

Таким образом, представляется возможным констатировать, что в условиях автобиографического дискурса как субъективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса автор — профессиональный писатель, реконструируя собственное прошлое, идентифицирует себя с субъектом литературного творчества в ходе реализации функций рефлексора и литературного критика. Такая авторская стратегия позволяет читателю сформировать представление об автобиографическом повествователе как о креативной личности, по роду своих занятий мастерски владеющей языком и создающей духовные ценности в виде словесных произведений.

Список литературы

1. Архипов И. К. «Знак — предмет» и знак — ситуация: текст и дискурс // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001. С. 46—58.

2. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 16 – 28.

3. Медведева О. Ю. Концептуализация и актуализация темпоральных отношений (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

4. Рогожникова И. К. Экологический дискурс: к проблеме определения лингвокультурологических параметров и типов текста (на материале немецкого языка) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 140 – 144.

5. Goethe J. W. von. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. Stuttgart, 1991.

Об авторе

Бондарева Людмила Михайловна – канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Author

Bondareva Ludmila – PhD, Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru